

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 12. «Уединение: в груди ищи и находи
свободу»

Выпуск № 115

Афанасий Фет

День проснётся – и речи людские
Закипят раздраженной волной,
И помчит, разливаясь, стихия
Всё, что вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчат песнопенья, –
Но в зыбучих струях ты найдёшь
Разве ласковой думы волненья,
Разве сердца напрасную дрожь.

1884

Иван Бунин

Огни небес

Огни небес, тот серебристый свет,
Что мы зовём мерцаньем звёзд небесных, –
Порою только неугасший свет
Уже давно померкнувших планет,
Светил, давно забытых и безвестных.

Та красота, что мир стремится вперёд,
Есть тоже свет былого. Без возврата
Сгорим и мы, свершая в свой черёд
Обычный путь, но долго не умрёт
Жизнь, что горела в нас когда-то.

И много в мире избранных, чей свет
Теперь ещё незримый для незрящих,
Дойдёт к земле чрез много, много лет...

В безвестном сонме мудрых и творящих
Кто знает их? Быть может, лишь поэт.

1903-1904

Выпуск № 144

Владислав Ходасевич

Века, прошедшие над миром,
Протяжным голосом теней
Ещё зывают к нашим лирам
Из-за стигийских камышей.

И мы, слышав стон и скрежет,
Ступаем на Орфеев путь,
И наш напев, как солнце, нежит
Их остывающую грудь.

Былых волнений воскреситель,
Несёт тням любой из нас
В их безутешную обитель
Свой упоительный рассказ.

В беззвёздном сумраке Эреба,
Вокруг певца сплотясь тесней,
Родное вспоминает небо
Хор воздыхающих теней.

Но горе! мы порой дерзаем
Всё то в напевы лир влагать,
Чем собственный наш век терзаем,
На чём легла его печать.

И тени слушают недвижно,
Подняв углы высоких плеч,
И мёртвым предкам непостижна
Потомков суетная речь.

1912

Фёдор Сологуб

Поэт, ты должен быть бесстрастным,
Как вечно справедливый Бог,
Чтобы не стать рабом напрасным
Ожесточающих тревог.

Воспой какую хочешь долю,
Но будь ко всем равно суров.
Одну любовь тебе позволю,
Любовь к сплетенью верных слов.

Одною этой страстью занят,
Работай, зная наперёд,
Что жала слов больнее ранят,
Чем жала пчёл, дающих мёд.

И муки и услады слова, –
В них вся безмерность бытия.
Не надо счастья иного.
Вот круг, и в нём вся жизнь твоя.

Что стоны плачущих безмерно
Осиротелых матерей?
Чтоб слово прозвучало верно,
И гнев и скорбь в себе убей.

Любить, надеяться и верить?
Сквозь дым страстей смотреть на свет?
Иными мерами измерить
Всё в жизни должен ты, поэт.

Заставь заплакать, засмеяться.
Но сам не смейся и не плачь.
Суда бессмертного бояться
Должны и жертва и палач.

Всё ясно только в мире слова,
Вся в слове истина дана.
Всё остальное – бред земного
Бесследно тающего сна.

Выпуск № 951

Александр Пушкин

Ответ анониму

О, кто бы ни был ты, чьё ласковое пенье
Приветствует моё к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмёт,
Указывает путь и посох подаёт;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьёт и хвалит, иль порой
Неблагодарно кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнание, заточенье, —
"Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберёт он новых дум и чувств
И нам их передаст". Но счастье поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

1830

Аполлон Майков

В. И. А.

Всё, чем когда-то сердце билось
В груди поэта, в чём, творя,
Его душа испепелилась,
Вся в бурях творчества сгоря, —

В толпе самодовольной света
Встречая чуть что не укор,
Всё – гаснет, тускнет без привета,
Как потухающий костёр...
Пахнёт ли ветер на мгновенье
И вздует уголь здесь и там –
И своего уж он творенья
Не узнаёт почти и сам...
Восторг их первого создання,
Их мощь, их блеск, их аромат –
Исчезло всё, и средь молчанья
Их даже самые названья
Могильной надписью звучат!
Безмолвный, робкий, полн сомнений,
Проходит он подобно тени
Средь века хладного вождей,
Почти стыдяся вдохновений
И откровений прежних дней.

Но поколенья уж иного
Приходит юноша-поэт:
Одно сочувственное слово –
Проснулся Бог и хлынул свет!
Встают и образы, и лица,
Одушевляются слова,
Племён, народов вереница,
Их голоса, их торжества,
Дух, ими двигавший когда-то,
Всё – вечность самая встаёт,
И душу старшего собрата
По ним потомок узнаёт!
Да! крепкий выветрится камень,
Литой изржавеет металл,
Но влитый в стих сердечный пламень
В нём вечный образ восприял!
Твори, избранник муз, лишь вторя
Чудесным сердца голосам;
Твори, с кумиром дня не споря,
И строже всех к себе будь сам!
Пусть в испытаньях закалится
Свободный дух – и образ твой
В твоих созданьях отразится
Как общий облик родовой.

Лариса Патракова

Какие горькие дожди
На белые снега упали,
И осени уже не жди,
И нет зимы – одни печали.

И снегу пополам с дождём
Так неуютно в мире этом,
Но нынче, может быть, рождён
Тот, кого назовут поэтом.

Он в этой горькой суете
Отыщет свет, для нас незримый,
А мы с тобой проходим мимо,
Не различимы в темноте...

Давид Самойлов

Таланты

Их не ждут. Они приходят сами.
И рассказываются без спроса.
Негодующими голосами
Задают неловкие вопросы.

И уходят в ночь, туман и сырость
Странные девчонки и мальчишки,
Кутаясь в дешёвые пальтишки,
Маменьками шитые навыврост.

В доме вдруг становится пустынно,
И в уютном кресле неудобно.
И чего-то вдруг смертельно стыдно,
Угрызенью совести подобно.

И язвительная умудрённость
Вдруг становится бедна и брэнна.
И завидны юность и влюблённость,
И былая святость неизменна.

Как пловец, расталкиваю ставни
И кидаюсь в ночь за ними следом,
Потому что знаю цену давним
Нашим пораженьям и победам...

Приходите, юные таланты!
Говорите нам светло и ясно!
Что вам – славы пёстрые заплаты!
Что вам – низких истин постоянство!

Сберегите нас от серой прозы,
От всего, что сбило и затёрло.
И пускай бесстрашно льются слёзы
Умиленья, зависти, восторга!

Выпуск № 1298

Лариса Миллер

Пусть манна Божия была
Всего лишь видом тамариска,
И не по божьей воле низко
Летали те перепела,
Не бил родник в горе Хорив,
И не бывало броду в море, –
Но есть и было – гнев, и горе,
И озаренье, и порыв,
И вера в чудо. Мир наш пуст,
Бесцветен, если умирает
В нём вещий голос и сгорает
Таинственно горящий куст.

1975

Давид Самойлов

Дай тебя переведу
За руку, поэт мой милый,
Через эту немоту,
Через эту пустоту

По непрочному мосту,
По одной досочке хилой.

Не гляди по сторонам
И не надо торопиться,
Чтобы нам не оступиться,
Чтоб ничем не поступиться
Из того, что нужно нам.

Пастухи или послы
По мосту, что, как качели,
Оперся на две скалы,
Перейдём. Мы уцелели.
Но гляди, как поседели
Оба мы, покуда шли.

Выпуск № 485

Лариса Миллер

Пена дней, житейский мусор,
Хлам и пена всех времён.
Но какой-нибудь продюсер
Будет ими так пленён,

Что обычную рутину
С ежедневной маетой
Переплавит он в картину,
Фонд пополнив золотой.

Будут там такие сцены
И такой волшебный сдвиг,
Что прокатчик вздует цены,
Как на громкий боевик.

...Сотворил Господь однажды
Нет, не мир, а лишь сырец,
Чтоб, томим духовной жаждой,
Мир творил земной творец.

1993

Георгий Адамович

За слово, что помнил когда-то,
И после навеки забыл,
За всё, что в сгораньях заката
Искал ты и не находил,

И за безысходность мечтанья,
И холод растущий в груди,
И медленное умиранье
Без всяких надежд впереди,

За белое имя спасенья,
За тёмное имя любви
Прощаются все прегрешенья
И все преступленья твои.

Выпуск № 331

Александр Блок

Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом – метанье огня,
И в каждом – печаль облаков.

И каждый другого зажжет
И снова потушит костёр,
И каждый печально вздохнёт,
Взглянувши другому во взор...

Да буду я – царь над собой,
Со мною – да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!

Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого люблю.

Александр Пушкин

Жуковскому

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле,
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе, —
Ты прав, творишь ты *для немногих*,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным!

1818

Выпуск № 24

Владимир Набоков

Поэт

Являюсь в чёрный день родной моей земли,
поблѣкшие сердца, в пыли поникли долу...
Но, с детства преданный глубокому глаголу,
нам данному затем, чтоб мыслить мы могли,
как мыслят яркие клубящиеся воды, —
я всё же, в этот век поветренных скорбей,
молюсь величию и нежности природы,

в земную верю жизнь, угадывая в ней
дыханье Божие, лазурные просветы,
и славлю радостно творенье и Творца,
да будут злобные, пустынные сердца
моими песнями лучистыми согреты...

1921

Иван Бунин

На высоте, на снеговой вершине,
Я вырезал стальным клинком сонет.
Проходят дни. Быть может, и поныне
Снега хранят мой одинокий след.

На высоте, где небеса так сини,
Где радостно сияет зимний свет,
Глядело только солнце, как стилет
Чертил мой стих на изумрудной льдине.

И радостно мне думать, что поэт
Меня поймёт. Пусть никогда в долине
Его толпы не радуется привет!

На высоте, где небеса так сини,
Я вырезал в полдневный час сонет
Лишь для того, кто на вершине.

1901

Давид Самойлов

Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И всё разрешено.

Выпуск № 311

Константин Бальмонт

Я в глазах у себя затаил
Отраженье сокровищ чужих,
Красоту позабытых могил
И другим недосказанный стих.

Я в душе у себя отыскал
Гармонически бьющий родник:
Этих струй уже кто-то алкал,
Но губами он к ним не приник.

Оттого-то в словах у меня
Так загадочно много огней:
Я закат непогасшего дня,
Я потомок могучих царей.

Лариса Патракова

Больно: осколки живого солнца,
В чёрную раму вплавлена память.
Тесно: в истории, как в колодце –
Некуда падать.

Больше того, чему учит опыт,
Больше всех книг, заблуждений, истин,
Точит меня синий звёздный шёпот:
Помнит, смеётся, цалует, мыслит...

Не доверяю могильным плитам
Знаний, забивших поры живого...
Память во мне – до алфавитов,
И сквозь меня тихо дышит слово.

Борис Пастернак

Когда за лиры лабиринт
Поэты взор вперят,
Налево развернётся Инд,
Правей пойдёт Евфрат.

А посреди меж сим и тем
Со страшной простотой
Легенде ведомый Эдем
Взовьёт свой ствольный строй.

Он вырастет над пришлецом
И прошумит: мой сын!
Я историческим лицом
Вошёл в семью лесин.

Я – свет. Я тем и знаменит,
Что сам бросаю тень.
Я – жизнь земли, её зенит,
Её начальный день.

1913, 1928

Выпуск № 492

Александр Пушкин

Поэт

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,

И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

1827

Евгений Баратынский

Дельвигу

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
С земными детьми Прометея.

Похищенной искрой создание своё
Дерзнул оживить безрассудный;
Бессмертных он презрел – и страшная казнь
Постигнула чад святотатства.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться.

Нужды непреклонной слепые рабы,
Рабы самовластного рока!
Земным ощущениям насильственно нас
Случайная жизнь покоряет.

Но в искре небесной прияли мы жизнь,
Нам памятно небо родное,
В желании счастья мы вечно к нему
Стремимся неясным желаньем!..

Вотще! Мы надолго отвержены им!
Сияет красою над нами,
На брэнную землю беспечно оно
Торжественный свод опирает...

Но нам недоступно! Как алчный Тантал
Сгорает средь влаги прохладной,

Так, сердцем постигнув блаженнейший мир,
Томимся мы жаждою счастья.

1821

Выпуск № 504

Лариса Патракова

Судьба и биография несхожи,
Хотя в них гулко совпадают даты...

Но люди пишут биографий строки,
Вплетая туда собственные души,
Твердят бессмертья жадные уроки,
Живую правду совести нарушив.

Всё обретает вид бесстыдно-правый,
Все факты выверены слишком точно:
Задают глыбой запоздалой славы
Живой души пронзительный росточек...

Всё было так, но было всё иначе:
Судьба и биография – два чуда –
Там человек один ночами плачет,
А здесь его на площадях забудут...

Марина Цветаева

Уединение: уйди
В себя, как прадеды в феоды.
Уединение: в груди
Ищи и находи свободу.

Чтоб ни души, чтоб ни ноги –
На свете нет такого саду
Уединению. В груди
Ищи и находи прохладу.

Кто победил на площади –
Про то не думай и не ведай.
В уединении груди –
Справляй и погребай победу

Уединения в груди.
Уединение: уйди,

Жизнь!

1934

Александр Пушкин

Поэту

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдёт минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься твёрд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1830

Иннокентий Анненский

Прелюдия

Я жизни не боюсь. Своим бодрящим шумом
Она дает гореть, дает светиться думам.
Тревога, а не мысль растёт в безлюдной мгле,
И холодно цветам ночами в хрустале.
Но в праздности моей рассеяны мгновенья,
Когда мучительно душе прикосновенье,
И я дрожу среди вас, дрожу за свой покой,
Как спичку на ветру загородив рукой...
Пусть только этот миг... В тот миг меня не трогай,
Я ощупью иду тогда своей дорогой...
Мой взгляд рассеянный в молчаньи заприметь
И не мешай другим вокруг меня шуметь.
Так лучше. Только бы меня не замечали
В тумане, может быть, и творческой печали.

Максимилиан Волошин

Поэту

1

Горн свой раздуй на горе, в пустынном месте над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.

2

Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.

3

Слава тебя прикуёт к глыбам твоих же творений.
Солнце мёртвых – живым – она намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твёрдый.
Воля утёса ломает развёрнутый натиск прибоя.
Власть затаённой мечты покрывает смятение множеств.

5

Если тебя невзначай современники встретят успехом –
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды.
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.

6

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы Любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемёт вещает о сущности братства, –

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

1925

Выпуск № 842

Арсений Тарковский

Поэт*

Жил на свете рыцарь бедный...
А. С. Пушкин

Эту книгу мне когда-то
В коридоре Госиздата
Подарил один поэт;
Книга порвана, измята,
И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличьи
У поэта нечто птичье
И египетское есть;

Было нищее величье
И задёрганная честь.

Как боялся он пространства
Коридоров! постоянства
Кредиторов! Он как дар
В диком приступе жеманства
Принимал свой гонорар.

Так елозит по экрану
С реверансами, как спьяну,
Старый клоун в котелке
И, как трезвый, прячет рану
Под жилеткой на пике.

Оперённый рифмой парной,
Кончен подвиг календарный, –
Добрый путь тебе, прощай!
Здравствуй, праздник гонорарный,
Чёрный белый каравай!

Гнутым словом забавлялся,
Птичьим клювом улыбался,
Встречных с лету брал в зажим,
Одиночества боялся
И стихи читал чужим.

Так и надо жить поэту.
Я и сам сную по свету,
Одиночества боюсь,
В сотый раз за книгу эту
В одиночестве берусь.

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.

Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

1963

* В стихотворении речь идёт об О. Мандельштаме

Даниил Андреев

Хлебников

(из цикла «Крест поэта»)

Как будто музыкант крылатый –
Невидимый владыка бури –
Мчит олимпийские раскаты
По сломанной клавиатуре.
Аккорды... лязг... И звёздный гений,
Вширь распластав крыла видений,
Вторгается, как смерть сама,
В надтреснутый сосуд ума.

Быт скуден: койка, стол со стулом.
Но всё равно: он витязь, воин;
Ведь через сердце мчатся с гулом
Орудия грядущих боен.
Галлюцинант... глаза – как дети...
Он не жилец на этом свете,
Но он открыл возврат времён,
Он вычислил рычаг племён.

Тавриз, Баку, Москва, Царицын
Выплывают оборванца
В бездомье, в путь, в вагон, к станицам,
Где ветер дикарский кружит в танце,
Где расы крепили на просторе:
Там, от азийских плоскогорий,
Снегов колебля бахрому,
Несутся демоны к нему.

Сквозь гик шаманов, бубны, кольца,
Всё перепутав, ловит око
Тропу бредущих богомольцев
К святыням вечного Востока.
Как феникс русского пожара
ПРАВИТЕЛЕМ ЗЕМНОГО ШАРА
Он призван стать – по воле «ка»!
И в этом – Вышнего рука.

А мир-то пуст... А жизнь морозна...
А голод точит, нудит, ноет.
О голод, смерть, защитник грозный

От рож и плясок паранойи!
Исправить замысел безумный
Лишь Ты могла б рукой бесшумной.
Избавь от будущих скорбей:
Сосуд надтреснутый разбей.

1940

Выпуск № 457

Лариса Патракова

Одиночество – избранникам,
Остальным – всё остальное,
Был когда-то жарким пламенем
Холод лезвия стального.

Одиночество – огонь,
Спрятанный в кинжале узеньком:
Ляжет тяжело в ладонь –
Кровь пойдёт по жилам узника.

Остальным победы грезятся,
А тебе одно пророчество:
Холодит стальное лезвие –
Жадный пламень одиночества.

Николай Гумилёв

Восьмистишие

Ни шороха полночных далей,
Ни песен, что певала мать,
Мы никогда не понимали
Того, что стоило понять.

И, символ горнего величья,
Как некий благостный завет,
Высокое косноязычье
Тебе даруется, поэт.

Марина Цветаева

из цикла «Ici-haut (Памяти Максимилиана Волошина)»

Ветхозаветная тишина,
Сирой полыни крестик.
Похоронили поэта *на*
Самом высоком месте.

Так и во гробе ещё – подъём
Он даровал – несущим.
...Стало быть, именно на своём
Месте, ему присущем.

Выше которого только вздох,
Мой из моей неволи.
Выше которого – только Бог!
Бог – и ни вещи боле.

Всечеловека среди высот
Вечных при каждом строе.
Как подобает поэта – *под*
Небом и *над* землёю.

После России, где меньше он
Был, чем последний смазчик –
Равным в ряду – всех из ряда вон
Равенства – выходящих.

В гор ряду, в зорь ряду, в гнёзд ряду,
Орльих, по всем утёсам.
На пятьдесят, хоть, восьмом году –
Стал рядовым, *был* способ!

Уединённый вошедший в круг –
Горе? – Нет, радость в доме!
На сорок вёрст высоты вокруг –
Солнечного да кроме

Лунного – ни одного лица,
Ибо соседей – нету.
Место откуплено до конца
Памяти и планеты.